

Курловский расстрел в Минске.

(18 октября 1905 года).

Картина революционного настроения в г. Минске уже с достаточной определенностью выявилась к 12 октября 1905 г. Губернская власть, в лице губернатора Курлова, в предчувствии великих грядущих событий, решила принять военные меры для оказания противодействия предстоящему натиску со стороны революционных элементов. С этой целью 12 октября в квартире губернатора были собраны все представители воинских частей. На этом совещании Курлов объявил «о настойчивой необходимости действовать при подавлении беспорядков оружием в виду забастовок». Губернатор выяснил также количество войска, находившегося в его распоряжении, и отдал целый ряд соответствующих распоряжений¹. Все оборонительные меры были приняты. Приходилось только ожидать подходящей минуты для того, чтобы от обороны перейти в нападение.

В следующие дни, в период от 13 до 17 октября, положение дел оставалось весьма напряженным. Центром забастовочного движения был вокзал Либаво-Роменской ж. д. В течение всего этого времени происходили сходки, на которых, кроме рабочих и служащих, присутствовало немало посторонней публики. Сходки происходили под председательством бухгалтера в управлении Либаво-Роменской жел. дороги, П. О. Жаба. Разумеется, на митинге произносились речи политического содержания, при чем в числе ораторов выступали и посторонние лица, совершенно не причастные к службе на железной дороге².

На другой день после опубликования манифеста 17 октября в помещении вокзала бастовавшими железнодорожными рабочими был созван митинг. Известие об этом получило широкое распространение по городу, и с раннего утра 18 октября на железнодо-

¹ Збірник архівних документів. 1905 год у Беларусіі. Минск, 1925, стр. 54, № 119.

² Ibidem, стр. 54, № 119.

рожный митинг явилось огромное количество народа—и железнодорожников и вообще граждан города¹. Впрочем, все собравшиеся не могли войти внутрь вокзала, так как двери последнего были заперты. Сходка эта не была разрешена губернатором. В публике стали распространяться известия об опубликовании манифеста 17 октября, что, конечно, нервировало всех собравшихся. Правда, губернатор получил об этом известие еще накануне часов в 11 вечера, но при этом сообщении имелось распоряжение о том, чтобы «сведений об этой телеграмме никому не давать и ее не печатать». Известие о подписании манифеста было получено и частными лицами, благодаря чему оно быстро распространилось по городу.

Настроение собравшихся на станции было настолько повышенным, что комендант станции, полковник Жданович, получив на соседнем Московско-Брестском вокзале сведения о подписании манифеста, счел нужным показать агентам охраны агентскую телеграмму о даровании свободы слова, союзов, сходок, неприкосновенности личности и т. д., а затем, выйдя на под'езд станции, объявил об этом рабочим. Около 11 часов к вокзалу прибыл Жаба, в руках которого был печатный листок. Там П. О. Жаба обратился к полковнику Марченко с просьбой разрешить сходку, ссылаясь на дарование конституции. Полковник, ссылаясь на отсутствие распоряжений как от своего начальства, так и губернатора, отказал в разрешении сходки². В виду этого пришлось отправиться за разрешением сходки к губернатору. Последний вынужден был дать на это свое согласие. очевидно, в предположении воспользоваться сходкой для расстрела всех собравшихся. После получения губернаторского разрешения на сходку были открыты двери третьего класса. Народу было так много, что зал не мог вместить всех желающих присутствовать на сходке. Поэтому было решено открыть митинг прямо на площади перед вокзалом³. Председателем собрания был избран Жаба, который прежде всего огласил отпечатанную уже агентскую телеграмму. Чтение телеграммы было встречено рабочими и учащимися враждебно. По сообщению жандармского полковника, оглашение последней сопровождалось «неприличными возгласами, обращенными к личности государя императора». Вообще присутствующие отнеслись к правительственному сообщению с большой недоверчивостью. Выразителем последней явился служащий на железной дороге Телпи: Гамзогурди, произнесший речь, в которой предлагал «для того, чтобы удостовериться в искренности правительства, не обманывает ли оно и на этот раз, согласно смыслу манифеста,—отправиться к губернатору и просить освободить всех политических заключенных»⁴. Была избрана делегация в составе 12 человек для пред'явления

¹ 1905 год в Белоруссии, Минск, 1925 г., стр. 36

² «Збірник арх. док.», стр. 54, № 119.

³ 1905 год в Белоруссии, стр. 36.

⁴ «Збірник», стр. 55.

соответствующих требований губернатору Курлову. В состав этой делегации от имени железнодорожников вошли: председатель забастовочного комитета Л.-Р. ж. д., присяжн. повер. И. И. Метлин, Волынский, Жаба, затем несколько бундовцев, пом. прис. повер. Ентыс и др.¹ Делегация немедленно отправилась в губернаторский дом, а митинг продолжался под председательством Гамзогурди.

Делегация была принята Курловым немедленно. Делегаты «от имени народа, собравшегося на митинг на площади вокзала», просили губернатора, в связи с манифестом 17 октября о даровании конституции и политических свобод, освободить из тюрьмы всех политических заключенных. Курлов принял делегацию весьма вежливо. В своем ответе ей Курлов пояснил, что «он о конституции ничего не знает и что, наоборот, в отношении политических преступников имеет от правительства указания противоположного характера». Тем не менее, «идя навстречу народу» и «принимая на себя ответственность», он готов удовлетворить просьбу². Делегация из дома губернатора отправилась в тюрьму и оттуда, вместе с освобожденными в количестве 15 человек, отбывавших наказание в административном порядке, вернулась на площадь вокзала. Между тем митинг на площади продолжался. Число участников его все увеличивалось и увеличивалось. Толпа росла. Страстные речи ораторов возбуждали нервное настроение всех присутствовавших. Каждая речь была обвинительным актом против царизма. Естественно, что все речи кончались возгласами—«Долой самодержавие, да здравствует республика!», восторженно приветствуемыми толпой³. Порядок на площади был образцовый. Освобожденных арестованных, прибывших на площадь, встретили криками «ура». Последние кланялись и благодарили за освобождение⁴.

Между тем, около 4 часов дня председатель собрания П. О. Жаба заметил, что к вокзалу подведены воинские части. Предчувствуя что-то недоброе, П. О. Жаба объявил митинг закрытым и в то же время предложил всем пройти по городу манифестацией. Лишь только об этом было объявлено, по команде офицеров открылась стрельба. Стреляли залпами. Все в панике бросилось в разные стороны, и на месте митинга остались только убитые и раненые. Впоследствии выяснилось, что число первых доходило до 80, а вторых— до 300. В убегающую толпу были произведены выстрелы также и из местного полицейского участка. Пом. присяжн. повер. Ентыс был убит городовым. Председатель забастовочного комитета Либаво-Роменской ж. дороги, юрисконсульт И. И. Метлин, был случайно спасен от предательской пули губернаторского убийцы сторожем Пашковым. Впоследствии выяснилось, что Курловым был дан тайный

¹ «1905 год в Белоруссии», стр. 36

² Ibidem, стр. 36

³ Ibidem, стр. 36

⁴ «Збірник», стр. 55.

приказ полицейским агентам перебить членов бывшей у него делегации. Так рисуется картина курловского расстрела на основании материалов и сведений участника сходки, председателя забастовочного комитета¹.

Жандармский полковник, пытавшийся представить все происшедшее в превратном освещении, все же должен был признать убийство пр. повер. Ентыса городовым Якубовичем. Как ни хотелось полковнику вину за расстрел толпы возложить на самих участников митинга, однако и он не мог утверждать категорически, что демонстранты стреляли в толпу, хотя «многие из них, ехавшие и бежавшие с площади, были с револьверами в руках»². Количество убитых в отчете полковника уменьшено до 30, а раненых—до 150. По донесению жандармского полковника, после расстрела к губернатору отправилась депутация, которой последний будто бы ответил, что «стреляли по его предписанию и что он велит стрелять каждый раз, когда будут устраиваться демонстрации»³.

Расстрел мирной толпы привел все оппозиционные общественные круги в состояние ужаса, соединенного с ненавистью и негодованием.

Созвано было экстренное заседание городской думы в целях выражения от ее имени протеста и требования наказания виновных. Настроение городской думы было весьма оппозиционным. По адресу местного губернатора, палача мирных граждан, было сказано немало резкого и нелестного. Гласные думы стремились осуществить действительную свободу слова. Предложение, внесенное исп. об. городского головы Стефановичем о том, чтобы обратиться телеграфно к председателю совета министров гр. Витте с просьбой «представить государю императору принятое постановление думы», было единогласно одобрено всеми присутствовавшими гласными. Постановление городской думы было отредактировано так: «Выслушав высочайший манифест 17 октября, Минская городская дума повергает к стопам вашего императорского величества единодушные чувства живейшей радости и безграничной преданности престолу. Сердца всех свободных отныне граждан соединились в одно пожелание счастливого и долгого царствования на благо и процветание отечества. Всеобщее ликование, однако, омрачилось вчера горестным событием. Без всякой причины и предупреждения по расходящемуся с собрания мирному народу, все помыслы которого направлены были только на то, как торжественнее отпраздновать великий день, открыт был войскам!» продолжительный огонь, повлекший массу жертв, повергший весь город в отчаяние и беспредельное горе. В такой исключительный момент дума осмеливается всеподданнейше просить ваше величество

¹ «1905 г. в Белоруссии», стр. 37.

² «Збірник», стр. 56.

³ Ibidem.

повелеть о назначении особого расследования через одного из сенаторов»¹.

Одновременно была отправлена телеграмма и самому Витге с выражением протеста против действий Курлова и требованием — «немедленного удаления главного виновника грустных событий, минского губернатора Курлова и его соучастников, немедленного назначения сенатора для расследования кровавых событий, привлечения виновных к уголовной ответственности, устранения с улиц (на время похорон убитых граждан) полиции, казаков и войск, устранения вооруженной силы при народных собраниях, удаления казаков из города». Только этими мерами, по мысли городской думы, можно было «успокоить население и предотвратить дальнейшее кровопролитие»².

С протестом, и при том весьма резким, против незаконных действий минского губернатора выступило и судебное ведомство, прежде всего в лице прокурора Бибикова. Незадолго перед тем назначенный в Минск прокурором, Бибиков был возмущен губернаторской расправой. Немедленно после расстрела Бибиков поставил на ноги весь следственный аппарат, работавший под непосредственным наблюдением шести товарищей прокурора. В своем телеграфном донесении министру юстиции от 20 октября Бибиков обвинял губернатора в отдаче «неосновательного распоряжения». Отмечая враждебное со стороны местного населения отношение к губернатору, жизни которого «ежечасно грозит опасность», Бибиков указывал министру юстиции на определенно высказанное губернатором предупреждение, что «при малейшем движении толпы отдаст всем войскам приказание стрелять без пощады». Прокурор не считает сказанные слова пустой фразеологией. По его мнению, «настроение губернатора таково, что нельзя поручиться, какое он даст распоряжение». В виду остроты и напряженности положения прокурор полагал необходимым «объявить населению, что истинно-виновные, хотя не называя их имен, понесут наказание. Только этим можно будет умиротворить город»³.

Председатель окружного суда Купчинский также послал министру юстиции телеграмму, в которой, «по уполномочию общего собрания отделений суда, собравшихся в экстренном заседании», просил министра юстиции «сделать высочайший доклад о необходимости всестороннего расследования кровавых событий, что единственно могло бы успокоить население, благодаря крайне нервно-возбужденному состоянию которого, а равно присяжных поверенных и судей, пришлось отложить слушанием дела, назначенные на сегодня и завтра»⁴. Общее собрание присяжных поверенных и их помощников телеграфно

¹ «Збірник», стр. 57, № 121.

² Ibidem, стр. 57, № 122.

³ Ibidem, стр. 59, № 127.

⁴ Ibidem, стр. 59, № 126.

просило председателя совета министров «немедленно распорядиться удалением войск, полиции и жандармов на время похорон, а также командировать сенатора для следствия и на это время устранить ненавистного всему населению губернатора»¹.

Со своей стороны, председатель всенародного митинга 18 октября, П. О. Жаба, в телеграмме на имя С. Ю. Витте давая описание происшедших событий и указывая на возбужденное настроение народа, праздник которого «омрачился величайшим преступлением», полагал, что «волнение города может быть несколько успокоено удалением Курлова, минского губернатора»². От имени бастовавших рабочих и служащих начальник Либаво-Роменской жел. дороги, Мошков, сообщил министру путей сообщения, что «все бастующие готовы прекратить забастовку при условии устранения губернатора Курлова, начальника жандармского управления Вильдемана, начальника минского полицейского отделения Марченко, минского полицеймейстера и полицейских приставов, виновных в учинении кровавого избиения народа 18 октября, а также назначения сенатора для следствия и предания суду виновных»³.

Разумеется, и Курлов не остался в долгу. Донесение Курлова в департамент полиции было не чем иным, как желанием себя реабилитировать и представить происшедшие события, как неизбежный результат поведения толпы. Курлов не мог, конечно, отрицать того, что им был отдан приказ стрелять в толпу. Свое распоряжение он старался смягчить тем, что им было отдано по телефону распоряжение начальнику жандармского управления—«не стрелять до последней крайности и прибегать к оружию при насилии». Так как «толпа вела себя вызывающе, оскорбляла солдат, старалась вырвать оружие, начала стрелять, громить вокзал», то, после третьего предупреждения, даны были залпы. В своем донесении Курлов сообщил, что, «в случае возобновления беспорядков, он вынужден будет подавить силой»⁴.

Отношение Курлова в департамент полиции находится в резком противоречии со всеми теми данными, которые находились в ведении должностных лиц, в том числе и прокуратуры... Разумеется, Курлов мог спокойно прибегнуть к сообщению заведомо неверных сведений, в полной уверенности, что департамент полиции отнесется к его данным с исключительным доверием. Правительственное сообщение о минских событиях было составлено в духе курловского донесения. Минское городское управление снова послало С. Ю. Витте телеграмму с указанием на недостоверность сообщенных в правительственном сообщении сведений⁵.

¹ Ibidem, стр. 56, № 120.

² Ibidem, стр. 58, № 128.

³ Ibid., стр. 58, № 124.

⁴ Ibid., стр. 58, № 125.

⁵ Ibid., стр. 60, № 129.

Департамент полиции, получив копии всех отправленных из Минска телеграмм, запросил от губернской власти разъяснений. Курлов был вызван в Петербург. Его заместитель уведомлял департамент полиции, что «содержание как телеграммы председателя общего собрания минских адвокатов и их помощников на имя статс-секретаря графа Витте, так же равно и телеграмма минского городского управления составляют намеренное искажение фактов и явную их подтасовку с целью обвинения административной власти»¹.

Собранный прокурорским надзором обличительный для Курлова материал был отправлен в Петербург, в результате чего для расследования всех происшедших событий был командирован тайный советник Морозов. Вопреки всем следственным материалам и авторитетному заявлению судебной власти в лице прокурора, приехавший в Минск т. сов. Морозов стал на точку зрения Курлова и должен был признать, что «все обстоятельства дела, предшествовавшие событиям 18 октября, сложились так, что Курлов имел право принять решительные меры»². Разумеется, после такой ревизии Бибииков был уволен. Приговоренный же к полутора годам арестантских рот городской Якубович был скоро помилован и переведен в Петербург в царскую охрану. Через месяц отдохнувший Курлов вернулся обратно в свою резиденцию³.

Возвращение Курлова было встречено населением г. Минска с тревогой и негодованием. Отражением этого настроения явилась посланная 21 ноября начальником Либаво - Роменской дороги Мошковым телеграмма министру путей сообщения, в которой отправитель просил довести до сведения гр. С. Ю. Витте о том, что «возвращение губернатора и вступление его в должность взволновало весь город, особенно железнодорожных служащих, считающих это за прямое издевательство. Дума складывает полномочия, служащие готовят забастовку»⁴. Отправленная Мошковым телеграмма была немедленно сообщена департаментом полиции Курлову—с предложением от имени управляющего министерством «действовать с должной осмотрительностью, но твердо и решительно»⁵.

Так все осталось по-старому.

¹ «Збірник», стр. 61, № 131.

² «1905 год в Белоруссии», стр. 37

³ Ibid., стр. 38.

⁴ «Збірник», стр. 62, № 134.

⁵ Ibid., стр. 62, № 134.